

КРИК В ТЕМНОТЕ

Утром у Торгиль действительно был неприятный синяк, но что раздражало ее больше, так это то, что она не помнила заклинание сна.

“Некоторые люди могут это делать, а другие не в состоянии противостоять магии”, - объяснил Бард.

“Я могу противостоять чему угодно!”, - запротестовала дева-воительница.

“Мы все знаем об этом, но заклинание сна находится вне твоего контроля. Просто так обстоят дела. Ты не можешь летать, как бы сильно ты ни махала руками.”

“Олаф часто говорил это, когда я пыталась сочинять стихи”, - сказала Торгиль. “Но после того, как я испила из колодца Мимира, я могу делать это так же хорошо, как Джек”.

“Это ты так думаешь”, - сказал Джек. Он был в восторге от неудачи Торгиль. Он прекрасно помнил музыку заклинания, и ему не терпелось опробовать его на чернолицей овце.

“Ну, я не сдаюсь”, - сказала она. “Подумай, как было бы полезно усыпить своих врагов — хотя в убийстве спящего человека мало чести”.

Бард покачал головой. “Твои мотивы, как обычно, ужасны. Пожалуйста, скажи моряку, что ему не разрешается летать в течение нескольких дней”. Птица отступила в нишу после того, как ее разбудили, и они могли слышать, как она ворчит внутри.

Торгиль опустилась на колени и заговорила с птицей. “Он не в восторге от того, что остается здесь. Он говорит, что должен отправиться на поиски пары.”

“Где он собирается это сделать?” - спросил Бард.

Торгиль перевела. “Он говорит, что видел леди-птичек к югу отсюда, которые были почти правильной формы. Правда, они были немного маловаты.”

“Почти? Волки почти такой же формы, как ягнята. Он преуспел?”

“Нет, но он полон надежд”.

“Хорошо, объясни, что его крыло чрезвычайно слабо, и ему придется подождать. А теперь мне нужно, чтобы вы двое собрали растения на лугах. Я хочу окопник, пиретрум, мяту и валериану. Если вы наткнетесь на белену, я тоже могу ее использовать. Имейте в виду, держите ее отдельно от всего остального. Полынь всегда желанна. Ищите ее на песчаной почве.”

Джек принес сумки для сбора, и вскоре они шли через поля к диким землям, которые лежали за деревней. Воздух был теплым, и жители деревни уже сажали горох и фасоль на зиму. Торгиль нашла грядку с диким салатом, а Джек собрал окопник. К этому времени они были на опушке орешникового леса.

“Фух! Жарко, ” воскликнула Торгиль, бросая свои сумки среди колокольчиков. Она легла на живот у ручья и плеснула воды в рот. “Ммм! Это так же вкусно, как медовуха!”

Джек поделился овсяными лепешками, оставшимися с завтрака. “Бард говорит, что мы собираемся в город Беббы через несколько недель”.

"Я знаю. Мы должны купить зерно. Разве свет, пробивающийся сквозь эти листья, не чудесен? И эти бабочки похожи на белые цветы, порхающие в воздухе".

Джек приготовился к одному из приподнятых настроений Торгиль. "Интересно, как мы вернем зерно обратно. Дорога так усеяна выбоинами, что по ней невозможно проехать на телеге."

"Бард говорит, что мы найдем корабль", - сказала воительница, садясь. "Только подумай о том, что у нас снова палуба под ногами, волны бьются о нос, ветер воет у нас в ушах! Ты помнишь цвет моря во время шторма, все серое и зеленое, с пеной, срывающейся с гребней волн? Ты почти мог заглянуть в чертоги Рана и Эгира", - сказала она, назвав морских богов северян. "Ты помнишь?"

"Да, помню", - сказал Джек.

"Ну, ты, кажется, не в восторге от этого".

"Кто мог бы радоваться тому, что утонул? Это единственный способ, которым ты можешь навестить Ран и Эгира."

"Не в этом дело!" - воскликнула воительница. "Это красота цветов! И холодные брызги тебе в лицо. И плеск воды вокруг твоих ботинок. И ощущение корабля, кренящегося на резком ветру. Олаф обычно раздавал монеты, когда нам грозила опасность утонуть, так что у нас был подарок для Ран, когда мы приходили в ее залы. Морское королевство не так великолепно, как Валгалла, но и не так уж плохо..."

"Торгиль", - сказал Джек.

"Да?"

"Прекрати болтать".

"Я не болтаю", - сказала она, слишком счастливая, чтобы обидеться. "Возможно, мы найдем кнорра в городе Беббы. Они некрасивы, но в них тонна припасов, и они издают самые красивые звуки всю ночь — кнорр, кнорр, кнорр. Дрекар был бы еще лучше."

"Если бы жители деревни увидели дрекара, они бы убежали в горы", - сказал Джек.

"И поделом им! Корабль—дракон, полный берсеркеров - что может быть красивее?" Торгиль улынулась солнечному свету, просвечивающему зеленым сквозь листву.

"По-моему, баржа, груженная зерном".

"Ты тупой, как слизьяк. Скажи мне, Джек. Я ломала голову над тем, что произошло во время шторма. Я помню, как вылезла из овчарни, и в меня били градины. Потом я лежала в поле с мертвой овцой рядом со мной. Ты поднял меня..."

"Разум может сыграть злую шутку в чрезвычайной ситуации", - сказал Джек, надеясь, что она не помнит, что он сказал.

"Я знаю, но мне показалось, что я услышала слова — ясные как день - 'О, моя дорогая. Любовь

моя". Разве это не смешно? Должно быть, мне это померещилось."

"Должно быть тебе почудилось. Гроза была слишком громкой, чтобы что-то расслышать."

"Слова были действительно отчетливыми".

"Мы должны собирать травы", - сказал Джек.

Торгиль скорчила ему гримасу. "О, очень хорошо! Но сначала я хочу искупаться в этом ручье." Она исчезла за кустами, и вскоре Джек услышал, как она плещется.

Он повернулся спиной и занялся строганием Y-образной палки. Торгиль появилась через несколько минут, снова надев свою одежду.

"Это лозоходческий жезл", - объяснил Джек, протягивая его ей. "Он должен быть сделан из древесины орешника, потому что корни орешника уходят в жизненную силу. Видишь, ты держишь лозоходца за руки, и когда ты оказываешься рядом с подземным потоком, он опускается вниз."

"Ты не пройдешь и пяти шагов, не наткнувшись здесь на ручей", - сказала Торгиль, смеясь, "но спасибо. Я оставлю это на потом." Она засунула его за пояс. "Ты хотел бы выучить язык птиц?"

"Почему бы и нет", - сказал Джек, пораженный. Торгиль действительно поблагодарила его! Она также предложила поделиться своими знаниями. И приняла ванну, не подвергая меня угрозам. Она была в редком настроении.

"Очень хорошо: вот как ты должен поздороваться с моряком. Сначала ты должен похвалить его крылья." Торгиль каркнула — что-то среднее между стоном и визгом.

Джек попытался скопировать его, и его исправляли до тех пор, пока он не понял все правильно. "Почему ты должна делать ему комплименты?" - спросил он.

"Альбатросы гордятся своими крыльями, и если ты не похвалишь их, они нападут на тебя. Это слова для того, чтобы затащить его в нишу. Потом предложи почистить ему перышки, но тебе не обязательно доводить дело до конца. Это крылатая фраза, означающая "пожалуйста, успокойтесь". Она издала низкое бормотание, за которым последовал вздох.

Джек легко выучил эту песню, потому что она была близка к музыке. "Откуда ты это знаешь? Даже Бард никогда раньше не видел альбатроса."

"Это просто... часть меня", - попыталась объяснить Торгиль. "С тех пор, как я попробовала драконью кровь, я общалась с созданиями воздуха. Когда мы впервые вернулись в Средиземье, мне пришлось очень сильно сконцентрироваться, чтобы понять птиц, но с течением времени их голоса стали яснее".

"Это замечательная способность", - с завистью сказал Джек.

"Нет, это не так". Торгиль плюхнулась на траву. Пара дроздов распевали друг другу гимны с деревьев, и Джеку стало интересно, о чем они говорят. Внезапно он осознал сложную жизнь, пронизывающую орешниковый лес и выходящую из него — кроты, слепо толкающие грязь, рыбы, направившие рты вверх по течению, стрекозы, мечущиеся в пятнах солнечного света. Лес был похож на одно существо, чей разум был устремлен к — чему?

Торгиль прервала его размышления. “Сначала это было забавно - знать то, чего не знали другие. Потом это стало проклятием. Птицы никогда не умолкают, ты же знаешь. Ты не можете себе представить, как это ужасно - просыпаться каждое утро под бормотание о дождевых червях и зудящих перьях”.

Ее голова поникла. Она выглядела такой убитой горем, что Джек забыл о ее неприязни к сочувствию и импульсивно обнял ее.

“Не жалею меня!” Торгиль зарычала, оттолкнув его так грубо, что он ударился головой о дерево.

“Что с тобой не так! Я всего лишь пытаюсь быть милым!” - сказал Джек.

“Ты обращаешься со мной как с глупой девчонкой”.

“Ты девушка”, - сказал Джек.

“Я дева-воительница, а не хнычущая саксонская корова”.

“Почему бы тебе не перестать вопить о том, какие ужасные мои люди, и не посмотреть на себя”, - воскликнул уязвленный Джек. “У тебя благодарности не больше, чем у болотной крысы. Ты оскорбляешь всех шестью способами каждый день!”.

“Я не снижаю свои стандарты только потому, что живу в свинарнике”, - надменно заявила Торгиль.

“Свинарник? Как ты смеешь говорить такое о доме моих родителей! Я помню, как ты спала с собаками в Северных землях, потому что они были единственными, кто был добр с тобой!”

“Даже у северного пса больше чести, чем у раболепствующего сакса”.

“В самом деле? Что ж, даже у раболепного саксонского пса больше чести, чем у раба наполовину - северянина! - крикнул Джек.

“Я не рабыня!” - взвизгнула Торгиль, хватая свои сумки для сбора. “И я никогда больше не войду в дом твоих родителей!” Она умчалась прежде, чем он успел ответить.

Вот тебе и хорошее настроение Торгиль, подумал Джек, потирая ушибленную голову. Он пошел в другом направлении.

* * *

Через некоторое время гнев Джека остыл, и он начал сожалеть о своих поспешных словах. Но Торгиль была такой бесящей! Даже Олаф Однобровый обычно бил ее по голове, когда она впадала в ярость. Конечно, Олаф в тот или иной момент бил всех, включая Джека. Это был путь северянина.

Джек сидел в тени дерева, пытаясь восстановить то странное впечатление, которое у него было ранее, о том, что лес - это существо с единым разумом. Возможно, это было объединение жизненной силы, или, возможно — холодный палец коснулся сердца Джека — орешниковый лес был уголком королевства, где властвовал Лесной Лорд. Он вспомнил тонкий шепот среди листьев в том царстве и то, как корень изогнулся, чтобы поймать неосторожно поставленную ногу за лодыжку.

Это не земля Серебряных яблок, я веду себя глупо, - подумал он. Лесной Лорд никогда бы не позволил, чтобы его деревья были вырваны и находились в таком виде. Это была страна Джека, где люди были разумными. Здесь нет пиктских богов.

Он очистил свой разум, чтобы воззвать к жизненной силе. "Иди ко мне. Раскрой себя. Покажи мне пути, по которым ты путешествуешь". Лес остался таким же, как и прежде, с птицами, снующими туда-сюда, лягушачьим кваканьем и пауками, соединяющими нити своей паутины в ветвях наверху.

Солнце начало клониться к западу, и Джек вспомнил, что не собрал травы, о которых просил Бард. Он начал исследовать местность вдоль границы между орешниковым лесом и дубовым лесом. Он нашел грядку с мятой и пожевал несколько листиков, чтобы унять приступы голода. Он собирал девясил от кашля, фенхель от болей в животе и валериану от беспокойного сна. Он сорвал полынь, чтобы использовать ее против летучего яда, который путешествовал от дома к дому, принося с собой лихорадку.

Под березой Джек обнаружил аттерсвам, красивый, но очень опасный гриб. У него была ярко-красная шапочка с белыми пятнами, и Бард сказал, что северяне иногда использовали ее, чтобы впасть в неистовство. "Это дает им видения, а иногда и убивает их", - сказал старик. "Жаль, что это не срабатывает таким образом чаще". Джек задавался вопросом, принимала ли его когда-нибудь Торгиль.

Где она была? Она выполнит свою угрозу держаться подальше от дома Джека. Однажды озвученная угроза была для нее так же хороша, как клятва. Ему пришлось бы объяснить матери и отцу, почему она больше не навещает их, но они были бы довольны. Все начинали уставать от постоянных сражений Торгиля с девочками Таннер. Куда бы она пошла? Джон Флетчер мог бы поселить ее в своем сарае. Он восхищался ее умением обращаться с лошадьми. Когда наступит зима, ей придется переехать к Барду.

Джек собрал несколько красных грибов, убедившись, что они хранятся отдельно от всего остального. Белка взобралась на дерево с аттерсвамом во рту. Джек бросил в нее палкой, пытаясь заставить ее уронить ядовитый гриб, но белка забралась за пределы его досягаемости и продолжила есть. Возможно, белкам нравятся видения, подумал он, надеясь, что она не упадет замертво со своего насеста.

Солнце скрылось за холмами. Темнота окутала лес, и от болотистой земли поднимался туман, отчего деревья казались плавающими в белом море.

И вдруг птицы перестали кричать. Шумная болтовня, сопровождавшая закат, исчезла, как будто под деревьями появился невидимый враг. Сумерки становились темнее, холод глубже, земля плотнее.

Джек стоял совершенно неподвижно.

Был ли это волк? Или, не дай бог, медведь? Как ни странно, он почувствовал запах морских водорослей, хотя бриз стих. Открылся ли один из этих путей между мирами? "Подумал Джек, одновременно взволнованный и испуганный. Если да, то что через него прошло?

Холодное присутствие распространилось сквозь туман. Это окутало его с такой злобной силой, что он ахнул и чуть не выронил корзину для сбора. Такого холода он не испытывал с тех пор, как столкнулся с Фрит-Полутролльшей. Это было похоже на дверь в самое сердце зимы. Его тело онемело, а в голове стало пусто.

Вдалеке брат Эйден позвонил в молитвенный колокол. Это был слабый звук, едва ли громче крика цыпленка, но такой чистый, что пронзил сгущающийся мрак. Чары были разрушены. Джек прижал сумки к груди и побежал по длинной, бледной аллее колокольчиков, теперь серой от сумерек. Туман клубился вокруг его ног. Биение его сердца громом отдавалось в ушах. Его ноги увязали в грязи, из-за чего он чуть не растянулся на земле, но он продолжал идти, пока не вырвался на поле.

Он бежал до тех пор, пока орешник не превратился в тень на фоне дубового леса. Небо снаружи все еще было голубым, с клочьями облаков, отражавших солнечный свет из-за холмов. Поле, хотя и было разрушено бурей, имело нормальный, дружелюбный вид. Джек наклонился, чтобы отдышаться.

Брат Эйден ударил в колокол во второй раз, и из леса донесся крик. Это продолжалось дольше, чем могло бы кричать какое-либо существо, и, наконец, перешло в низкий, дрожащий стон. Но к тому времени Джек был на другом конце поля. Рядом с ним бежала лань, настолько запаниковавшая, что не обратила внимания на человека, находившегося на расстоянии вытянутой руки от нее.

Они оба рухнули одновременно. Лань обратила к нему темные, умоляющие глаза, и он положил руку на ее теплый бок. "Все в порядке", - прошептал он. "Это не выйдет на свет". Он горячо надеялся, что это правда. Она устала на него, ее бока вздымались от ужаса. Колокольчик брата Эйдена зазвучал снова, и мальчик и олень повернулись в сторону леса.

Но больше ничего не произошло. Через некоторое время лань поднялась на ноги и ушла. Джек тоже поднялся, не зная, что ему делать. Обычно он возвращался в дом Барда. Старик ждал своих трав, но Торгиль тоже скорее всего будет там.

Джек оглянулся на лес. Дева-воительница направлялась к полям, когда он видел ее в последний раз. Она бы установила дистанцию между собой и им, а это означало, что она отправилась бы к морю. Торгиль всегда ходила туда, когда была расстроена. Когда она поправится, то, вероятно, вернется к Барду.

Мысль о римском доме и старике, ожидающем внутри, была очень привлекательной. Однако этот крик был вызван звонком брата Эйдена. Прошлой ночью это существо было на пляже. Сегодня вечером оно было в лесу, гораздо ближе к хижине брата Эйдена. Его намерение, безусловно, было злым. Крик, доносившийся из леса, был пропитан ненавистью. Это был не голодный зов хищника, а голос кого-то, у кого отобрали все земные радости.

Вздохнув, Джек повернулся к деревне. Он бежал по темнеющим лугам, мимо отдаленных сараев и домов, пока не увидел маленького монаха, стоящего на коленях у костра возле своей хижины.